

Литературно-художественное издание

Издательство Российского союза писателей

Серия: Библиотека солдата СВО

Антипов Александр Павлович

СТИХИ

***Но у Родины всегда
Позывной один – любовь***

Моя гражданская война

I

Моя гражданская война
Во всякой мелочи видна.
Вот офицер приехал в ЦУМ Купить
задорого костюм.
Но входит в этот ложный храм,
Ловя ухмылки светских дам –
Для них он люмпен.
И пока В Одессе правит ТЦК,
Известный киевский поэт
По-русски пишет: «Русских нет.
Есть орки, нелюди, скоты».
Всё это, братец, – я и ты
И офицер, познавший ЦУМ.
Он выйдет выправлен, угрюм:
Костюмчик новенький в руке
И старый коптер в рюкзаке –

Его продал за двести штук
Когда-то лучший школьный друг.
Ну вот и нету двух зарплат.
И офицеров младший брат Воюет
лихо против нас,
Проспавший Родину Тарас.
И сытый ЦУМ, и грязный ДЗОТ –
Везде одна война идёт.
Моя гражданская, твоя –
По обе стороны семья.
Костюм наденет офицер,
Поскольку завтра во дворце
Получит орден.
Бог бы с ним –
Скорей, скорей уже к своим.

II

Моя печальная страна,
Тебя растлила тишина
И стыдный миф, что где-то рай,
А здесь теплушка да сарай.

И ты попала под прицел: Шахтёр,
студентка, офицер
И светский лев, и малоросс.
Но что мы вместе? Вот вопрос.
Ответ лежит среди руин:
Отец и мать, их дочь и сын
В крови порезанных границ
Ещё не рухнувшие ниц
Перед обилием вранья –
Вот это вот моя семья.
Донецк и Харьков, Крым и Псков,
Где вместо пары языков
Язык один – большой семьи.
В нём лица, праздники твои
И горе, общее на всех.
Но что ты скажешь мне о тех,
Кто лил по Киеву елей,
Проклявши клятых москалей?
Не в том ли киевский поэт,
Чей был рождён в Рязани дед,
Нашёл начало всех свобод?
Война гражданская идёт,
Война народная идёт.

III

Но мир настанет, мир живой
В эпохе этой роковой.
Пусть поредевшим будет хор,
Мой друг, бежавший за бугор,
Ты проиграл, прости, прости –
Чужой земле в твоей горсти
Не стать родной, не стать твоей,
Как ни молился бы ты ей.
И те, которые извне
Толкали глупых нас к войне,
Кивая ласково «good, good»*,
Себя уже не сберегут.
И я застаю времена,
Где не моя ползёт война.
И юный киевский поэт
По-русски скажет: «Много лет
Тому назад пришла, темна,
Моя гражданская война.

* Good (англ.) – хорошо. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Она скрипела, выла, но
Так на роду нам суждено
Себя губить и бичевать,
Чтобы любви учить опять».
Поэт читает, снег идёт –
Две тысячи какой-то год.
А где теперь твоя война?
Да вот же – мёртвая она.
Могила снытью поросла
И русским снова нет числа.

Лежат

Лежат на земле,
а, кажется, в небе лежат,
И к броникам снег
степей новоросских прижат.
Вставать им нельзя,
поскольку вставать – это смерть.
Лежать – это жить,
а жить постарайся суметь.

Такая война –
то лёжа, браток, то ползком.
Без голых побед,
добытых геройским броском.
Отлаженный быт
во время обстрела и до,
Где график потерь
давно не зовётся бедой.

А тот, кто пройдёт
вот этот обыденный ад,
Получит навек
Скупую отметку «солдат».
Парадный мундир
такому солдату пошьют.
Запомни любой,
кто ест поминутно уют:

Солдат, как и ты,
таких же нецарских кровей,
Он тоже вырослел
на улице рядом с твоей.
Не то, чтоб хотел,
а просто попал на войну,
Как весь наш народ,
сменивший судьбу не одну.

Так чем же ты сам
отличен от этих ребят,
Что в мёрзлых степях,
спасаясь от мины, лежат?
С чего ты решил,
что это чужая беда,
Что Харьков, Херсон –
чужие тебе города?

Что проще устать,
не ждать никаких новостей
От нашей страны,
разбитой на столько частей?
А парни лежат,
хоть степь – не особо кровать.
И нет новостей,
и, значит, нельзя уставать.

Лес

Лес шумит, он поднят по тревоге
И гражданские считает облака.
Беспилотная листва летит под ноги,
До победы, как до Троицы пока.

Хвойный лес, вчера ты был спокоен,
На твоих качались птицы рукавах.
А сегодня ты тот самый в поле воин,
Выбирающий судьбу свою монах.

Лес мой, лес, рутина старых сосен,
Ты окопами, как венами покрыт.
Говорят, сегодня вновь случилась осень
И рыдала по тебе, что ты убит.

Говорят, тебя штурмуют взводом,
Только злая похоронка не придёт
Лесу вятскому, откуда сам ты родом,
Где начало взял однажды весь твой род.

Мы опять привыкли понемногу,
Что орала переплавлены в мечи.
Не сдавайся, лес, ты слышишь – на подмогу
Вон спешат, уже летят к тебе грачи.

Нож достав, под вечер из тумана
Выйдет месяц, тот, что нужен позарез.
И к врагу придёт царевна Несмеяна
Колыбельную пропеть за курский лес.

Нам зимы дожждаться бы на деле,
Обещают – будет ветер поутру.
И на запад вдруг потянутся метели
Передать приветы южному Днепру

Стоит мечеть, за ней церквушка –
Такая смесь у нас во всём.
Давай рассказывай, кукушка,
На кукушачьем на своём,
И сколько лет кому осталось,
И сколько неба натошак.
Но знай одно: солдат и старость –
Не сочетаются никак.
Другое дело, скажем – Пушкин
И пресловутая дуэль.
Ты зря накаркала, кукушка,
Последний пушкинский апрель.
Ведь, пережив позор Дантеса
И пережив своих детей,
О, Александр! Он был повеса
В краю мечетей и церквей.
Снега ветрами покосило
С московских крыш и крымских скал.
Пространство – время – есть Россия.
Лишь Пушкин это понимал.

Эйнштейн и тот совсем немного
Не докрутил, хотя бы мог,
Что не поэты ищут Бога,
А их самих находит Бог.
Отметит, выведет в пророки,
А там и в мученики, но,
Когда судьба ложится в строки –
Не всё ли, Господи, равно?
Ведь не смогли дуэли Сашу
Прибить к последней полосе.
У нас в России время пашут
Пророки, мученики – все.
Татары, русские, буряты,
Тунгус и друг степей калмык.
Мы многоросские солдаты,
Мы беса тянем за язык.
И оторвём, а как иначе?
Наложим на уста печать.
Товарищ Пушкин дал задачу –
Заставить бесов замолчать

Позывной

На войне как на войне –
Те же степи и леса.
Правда, выросли в цене
Голубые небеса.
А внизу иной закон:
Тут, когда огонь и дым, –
Отвыкая от имён,
Привыкают к позывным.
Точно ангел за спиной
Прошлым дням наперевес
Выдаётся позывной.
Ну а что же до небес?
Кто прошёл туда отбор,
Тех зовут по именам:
Встаньте, Женя и Егор, –
В поднебесье рады вам.
Потому не торопись
И ходи под позывным.
Здесь недаром собрались
«Комбайнёр», «Малой» и «Крым».

Здесь недаром говорят
На весёлом языке.
Погляди на свой отряд
И на звёздочку в руке.
Слава, бедность ли, беда –
Ко всему себя готовь.
Но у Родины всегда
Позывной один – любовь

О реках

Когда бойцы форсировали Вислу,
Пространство перепаханное стиснув,
Такая воцарилась тишина,
Что каждая душа была слышна.

Потом, когда форсировали Одер
И дождь хлестал со всех небесных вёдер,
Всё та же тишина спускалась было,
Пока её дождём не покосило.

Когда же после взятия Берлина
По водам Шпре, цветущим от бензина,
Весна плыла на лодочке кривой,
Впервые тишина была живой.

И нынче за Днепром она такая
Да только притаилась, привыкая,
Что грохот из неё прорвётся сам.
Но Днепр ещё форсировать бойцам.

И снова, как в морозном сорок третьем,
Придётся тишину и воду греть им.
И знать, что неизменно впереди
Ещё непобеждённые дожди.

Отмолится, а после отольётся
В победу переплавленное солнце.
И выживший боец, росой умыт,
Впервые с тишиной заговорит

Паучиха весна заплела свои сети,
В них болтается снег и, конечно же, я.
Но не жертвы мы, нет, а чудные соседи,
Квартиранты любви, как любого жилья.

Вековые снега – это небыль Ван Гога,
И Гогенов кошмар, и спасенье моё.
А про нашу любовь написал уже Гоголь:
«Если тройка летит – не удержишь её!»

Потому и живёт в этом русская тайна.
И не то что б другим до неё дела нет,
Просто, где ещё снег так неистово тает
От бессильной тоски, что любовью согрет?

От бессильной тоски и рождаются смыслы,
Это вряд ли поймёт разодетый Париж.
Даже грузный рыбак у простуженной Вислы
О тоске говорит, как о старости лишь.

Их волнуют ветра зацветающих вишен,
Увядание для них – это скорбная весть.
А до русской любви тот невольно повышен,
Кто осенним ветрами открывается весь.

И по марту идёт, и в июле скучает,
То не вовремя пьян, то случайно тверёз.
И что было в конце, и что будет в начале –
Вот, пожалуй, для нас самый
главный вопрос.

Вековые снега – это нежность Ван Гога,
Нынче небо себя так неистово льёт.
А для неба теперь – вся Россия дорога.
Аккуратней иди – вон опять гололёд

Репортаж

– Ни седла на коне, ни кольчуги на мне,
Прячу меч-кладенец в антресоли.
Я ещё пригодился б родной стороне,
Да мешают артрит и мозоли.
Вон у классика, брат: послужить бы я рад,
Только вот не прислуживать, в плане.
Ну а мне говорят, слышишь, мне говорят,
Что швейцаром возьмут в ресторане.
Раньше бились-то мы, да не ради суммы,
А по воле святого задора.
Ну и где теперь эти лихие умы?
Соловей уцепился за доллар,
Молодой серый волк накидался на днях
В чайхоне, что на Старом Арбате.
Встретишь серого ты – передай от меня
Два леща и привет его бате.

Старый витязь Илья засмеялся,
а я Стал свидетелем грустной картины:
Он похож ещё, вроде, на богатыря,
О котором слагались былины,

Только что-то не то – носит полупальто
И читает статьи «Спорт-Экспресса».

– Ну а кто-нибудь пишет тебе?

– Да никто!

Вон открытка пришла из собеса.

И ютится один, и живёт исполин,

Собирает для пенсии справки.

Хорошо быть, конечно, героем былин,

Но похуже, когда ты в отставке.

– А сойдёт нынче снег – и тотчас по весне

– Я поеду с рассадой на дачу.

Я – деревня! Родство мне положено с ней,

А в Москве только время я трачу.

Где под утро туман – там я впрямь великан,

Мне по силам хозяйство любое!

Ну а меч-кладенец передай мужикам,

Чтоб Славянск они взяли без боя

Дом как дом – и крыша, и тепло,
Дом как дом – пожалуй, даже цел.
Ну всего-то выбито стекло –
Это было в августе, в конце.

А через дорогу дома нет,
Только две нелепые стены –
Полуразвалившийся скелет
Прошлого с пометкой «до войны».

В общем-то, обыденный пейзаж,
Памятка для будней фронтовых.
Этот городок сегодня наш,
А ещё вчера считался их.

Новости порадуют опять:
Наше продвижение идёт
Медленно пускай, за пядью пядь,
Но с утра опорник взяли вот.

Высятся побитые дома,
Бездну той бездомности вместив,
Где рождалось от ума,
Потому что дурь была в чести.

Вовремя снаряд ложится в цель –
В доме том наёмник из Литвы.
Не купайся в Северском Донце,
Выкинь эту мысль из головы.

Церковь уцелела на горе,
Господи, не дай сойти с ума.
И тогда на этом пустыре
Вырастут и дети, и дома

Перед атакой сказал старшина:
«Как ни тверди, что Россия – восток,
Русская жизнь только русским важна.
Помни об этом, браток».

Степи-саванны проснулись вдали –
Будет хороший в Днепре водопой.
Мину погладив, торчит из пыли
Цвет василька голубой.

Серые танки – потомки слонов,
Африка ближе сегодня, кажись.
– Серый, огонь!
– Есть, товарищ, Попов! –
– И продолжается жизнь.

И малоросский звучит говорок
В голосе этих донецких ребят.
Русский солдат – это русский пророк,
Так ведь у нас говорят?

О князьях и татарах-кочевниках,
Об истории бед и побед
Мы читали в советских учебниках.
Сколько минуло, Господи, лет?
Двадцать, тридцать, а книги всё пишутся.
День сегодняшней тоже готов
Стать канвой исторической книжицы
Для студентов тридцатых годов.
Никого не рассудит история –
Подневольная баба она.
Нужно только понять, сколько стоила
Побывавшая в коме страна.
Нужно только писать настоящее,
Нашу правду сберечь для себя.
Наше прошлое – время горящее –
О развале России трубя,
Раскурило под общее ржание
Голливудскую крепкую шмаль.
Поражение от подражания
В полушаге плетётся. И жаль,

Что когда-то советских учебников
Дочитать мы уже не смогли,
Подменяя их новеньким чем-нибудь
И не чуя позора вдали.

Были модные, нищие, клёвые –
Так и сгнули в тусклой борьбе.
А теперь вот бери и расхлёбывай
Всё, что сами сварили себе.
И невкусная каша, и бедная –
Угощение из топора.

И простит ли нас Родина бледная,
Для которой мы все детвора?
Все наивные, глупые, смелые,
Все отыграны, вроде бы, но
Вдруг флажочки мы бросили белые,
Взяв лоскутное полотно,
И стоим, словно что-нибудь поняли,
Словно Родину видим впервой.
Словно колокол катится по небу
Голос нашей Второй мировой.

И смеются Егоров с Кантарией,
И вонзают свой флаг в облака
Над несбывшейся русской Тартарией,
Но и всё ж не забытой пока.
Неснесённого Пушкина в Киеве
Прочитает ещё малоросс.
И весна удивится – какие мы,
И за нами пойдёт в полный рост

Богатыри

Казалось бы – до неба три версты,
Четыре остановки на маршрутке.
А сядешь – и опять кресты, мосты,
Кусты дождей, и ты вторые сутки
По пробкам добираешься в объезд,
И вспомнишь пулемётчика Серёгу,
Слова его: «Доеду, вот те крест,
Ты только не загадывай дорогу.
А там, небось, успею дотемна,
Пока гроза не вышла мне навстречу.
До неба три версты и жизнь одна,
И жизнь одна, а смерть я не замечу».
И вовсе нет сомнений – он дошёл,
Да только скинул весточку хотя бы.
В каком-то из больших небесных сёл
Он загулял, а с ним братва и бабы.
Какая-то случайная звезда
В его солдатской плавает посуде.
А снизу заполняют поезда
Невидимые маленькие люди.

В числе таких невидимых и мы
Всё едем, вспоминая про Серёгу.
До неба три версты, как до зимы,
Где нас никто не встретит, слава Богу.
Был прав Серёга, что ни говори,
Смекнув: «Да нет, Россия – не разиня...»
Гляди, как спят в купе богатыри,
Все три: Илья, Алёша и Добрыня

За столом пацан весёлый,
Ветерок по шее голой.
Ну а с ним его два друга,
Все втроём, конечно, с юга:
Белгородцы, ростовчане,
Смуглолицые дончане.
«Сговоримся что ли, братцы,
Через годик повидаться?» –
Говорил пацан весёлый,
Ветерок по шее голой.
«Сговоримся, как иначе?
Ну, давайте за удачу!» –
Соглашаются ребята,
Что вот-вот помчат куда-то.
Говорливы, малость пьяны
Молодые ветераны.
Все втроём однополчане
День Победы отмечали
В русском городе Одесса.

Над живой полоской леса,
Над баркасом у причала
Солнце плыло, как начало
Незапачканной свободы.
У таблички «Соки–Воды»
За столом сидели трое –
У двоих звезда героя.
А обслуживал ребят
Пленный натовский солдат

Русские индейцы

Все хаты наши с краю,
пока не видим края,
Не помня расстояний до границы.
Индейцы жили тоже,
господ не выбирая,
Глотая капли огненной водицы.

Под звёздами курили,
под звёздами гуляли,
Маис давили голыми ногами.
Когда спустились боги,
индейцы плохо знали,
Как надобно вести себя с богами.

Они служили верно,
погибель от подарка
Попутно отличить уже не силясь.
Но боги – недотроги,
когда им стало жарко,
Они в дома индейцев напросились.

Что хат на всех не хватит,
земли на всех не хватит,
Отлично понимали эти боги.
Скупой всегда богатый,
а глупый дважды платит –
Так вывела история в итоге.

Наивные туземцы,
как мы на вас похожи,
Но вы хотя б неведением жили.
И, вымирая честно,
не понимали всё же,
Как вера далека была от были.

А мы про вас читали
с конца другого света,
Романтику в легенду обувая.
И стали те же боги дороже нам,
чем эта Земля,
где наши хаты тоже с краю.

И вот они пируют,
и вот они без стука
Заходят в наши тесные лачуги.
Они не помнят страха,
но вот какая штука –
К богам не набивались мы в прислуги.

Когда об этом вспомним –
достанем чудо-трубы,
Которые огнём плюются ярким.
Войдём в свои же хаты,
в привычные нам срубы
Вручить богам хозяйские подарки.

По меркам нашей веры
не будет это мезью,
Но холод пробежит по нежной коже.
И мы пойдём под звёзды,
и мы затанем песню,
О том, что эти боги смертны тоже

Харон

Машина катится по полю –
Не грузовик, а сирота.
Антон, Виктора и Толю
Везёт в себе машина та.

Они убиты в Запорожье
И командир их там убит.
Трясёт машину бездорожье,
Что так иных шофёров злит.

Вот только этого – едва ли,
Ему давно знаком маршрут:
Парней он возит на «Урале»
Почти что год, как служит тут.

А кузов полон – так в прицепе
Рядами едут пацаны,
Хоть сам он, кроме этой степи,
Не видел, собственно, войны.

Погрузят-выгрузят – и трогай.
Геройства нет, и страха нет.
Лишь в кобуре висит убогой
На всякий случай пистолет.

Не видя лица пассажиров
И никогда не зная их,
Шофёр ведёт машину живо,
Как будто сам везёт живых.

А пацанам-то по итогу
Неведом тот и этот свет.
Но, впрочем, он их возит к Богу,
И вот у Бога мёртвых нет

Пацанам

Что в булочную очередь,
что очередь в герои –
В любую неизменно наугад
Колоннами смущёнными
по двое и по трое
Одни и те же мальчики стоят.

Стоят за ними девочки,
за мужем или сыном,
И внукам объясняют сказку так:
Попали в плен под Горловкой
Незнайка с Буратино,
Но спас их от беды Иван-дурак.

И не понять холёному
милашке Спайдермену
И прочим властелинам всех колец,
Что эти наши мальчики
готовятся на смену
Чужим супергероям наконец.

И каша смыслов варится,
и русское в опале
У тонких псевдорусских культперсон.
Но разве наши мальчики
в герои помышляли,
Бахмут освобождая и Херсон?

Их не покажут массово
на кассовом экране,
Не выберут лицом ПАО «Нефтьпром».
У них не деньги левые,
а три звезды в кармане,
Они живут в землянке вчетвером.

Пройдут протесты пошлости
по улице Заречной,
Весна пройдёт, как буря или месть.
А эти наши мальчики останутся навечно –
Они Россия, в общем-то, и есть

Война как слышится, так и пишется
И выбирает язык сама.
Читай историю, эта книжица –
Есть горе горькое от ума.

Война кочует, окопы роятся –
Ну вот и к нам добрались опять.
Пожав плечами, Святая Троица
В окопы эти идёт гулять.

Россия – наша большая мельница.
Подует ветер вперёд-назад –
И вновь она не мычит, не телится,
Войну предчувствуя, как азарт.

Война, война – урожай безверия,
Итог наивности прошлых лет.
Ах, птица тройка, ах, кавалерия,
Несёшься в бой, а потом на свет.

Ведь это наша теперь традиция –
Как на работу, на смерть ходить,
Чтоб завтра солнышко круглолицее
До новой жизни тянуло нить.

А русский свет только так и строится,
Когда провала России ждут.
Но птица тройка летит за Троицей
И не находит себе приют

Дантесы

Дремлет на печке ещё один гений,
Век для него – как для Бога неделя.
Жить в потрясениях до воскресений –
Вечная русская наша идея.

Книга настольная с кучей пометок,
Вот я читаю на пятой странице:
«Снайпер Дантес, к сожалению, меток
И оттого ему часто не спится».

Он на жар-птицу пойдёт с карабином –
Это в традициях нежной Европы.
Путь к Чёрной речке – сухие рябины,
Серый камыш да охотничьи тропы.

Чья-то Алёнушка горько заплачет,
Без вести ходит Иванушка лесом.
Этот наивный растерянный мальчик
Тоже теперь под прицелом Дантеса.

Спелое-спелое полюшко-поле,
Сколько в тебя нашу кровь хоронили.
Пашни твои – трудовые мозоли,
А стебельки всё равно повсходили.

Дремлющий гений насильно проспится,
Выйдет под утро в пахучие травы,
Чтобы услышать, как песня жар-птицы
Станет основой дантесовой славы.

Всё повторится: рябины, овраги,
Звон колокольный и Чёрная речка.
Всё повторится строфой на бумаге,
И у Дантеса случится осечка

Полынь-звезда

Среди полей, Полынь-звезда,
Куда несёшься ты, куда?
Вон дом брусчатый у реки,
Вон гаражи, где мужики
Ведут извечный очный спор:
Кто из ларька чекушку спёр?
Не понимая их стыда,
Лети-лети, Полынь-звезда...
Ведь наши дни горчат всё чаще –
Полынь и та, пожалуй, слаще.

Не звёзды с дедовских наград
По небу русскому летят,
А звёздный град и горя синь.
Лети-лети, звезда Полынь.
Как через запад на восток
Кружится мина-лепесток,
Так ты лети, не вспоминай –
Внизу Донбасс или Домбай,
Ведь русским что полынь, что щавель,
Они всегда и всех прощали.

Простят и нынче, не беда.
Лети-лети, Полюнь-звезда.
Тебе в России не впервой
Лететь над совестью живой.
Но по закону Пересвета
Позор пройдёт, пройдёт и это.
И мальчик, чья рука легка,
Однажды взяв ПЗРК,
Не пощадив и не жалея,
Собьёт тебя, звезда Галлея.

А возле домика его
Любовь поставит ПВО.
Звезда зажжётся, но другая,
Невежд несведущих пугая.
И только мальчик скажет:
«Боже, На вифлеемскую похожа»

Не предал нас уют,
Но вытравил покой.
Казался братом Брут,
А ручеек рекой.

По ручеечку вниз
Мы плыли в бизнес-класс.
И жовочка «Love is...»
Любви учила нас.

Мы пели мир цветной,
Не чувствуя вполне,
Как стали стороной
В проигранной войне.

И бакс по 30 эр.
Твердил примерно так:
Что смерть СССР –
Есть высшее из благ.

И рос мой дивный сад
На почве костяной,
Где бомжем стал Арбат
За цоевской стеной,

Где тот и этот век
Росли не ввысь, а вширь,
Как будто Чук и Гек,
Бежавшие в Сибирь

От зумерской возни,
От мальчиго-девчат
В страну, где снег возник
И музы не молчат.

Там помнят, как беда
Дала свободе свет,
Возвысив слово «да»
Над вежливостью «нет»,

Как мы, свободы той
Глотнув до блевоты,
И, видя сад пустой,
Спросили про цветы:

«А где же красный цвет?
А белый? А иной?
А где же слово „нет“
Над стравленной страной?»

Но в клетке для неё
Давно разрешено
И грязное бельё,
И пошное кино.

Мы – сбившийся с пути
Трамвайчик номер шесть:
И правда – не ахти,
Но уж какая есть.

Пока прогресс вершат,
Пока в раю горят,
России нужен шаг
От пропасти назад.

Холодных войн итог –
Горячая война.
И только русский Бог
Испил её до дна

И не было тех, кто помог Атлантиде,
А мы на плаву, на краю.
При первой звезде, перестройке, ковиде
Я веру живую жую.

Зато мне понятно, откуда я родом,
И детские песни свежи.
И голос у песенок этих не продан
За тридцать монеток во лжи.

Скучая от собственной праздничной лени,
Я видел в печали живой
Последних пророков своих поколений –
Поэтов Второй мировой.

И снова история бьёт по-серьёзке,
Но чем же я ей помогу?
Россия, она не про снег и берёзки –
Про первую кровь на снегу.

От матовой крови матрёшка-Россия
Своё отстирала бельё.
А вот Малороссию вновь не спросили,
От русских отрезав её.

Знакомая с детства улыбка солдата,
Такую подделать нельзя.
Опять поворотное время, ребята –
Привычная наша стезя

Звёздное небо

Звёздное небо – разведчик, что надо
И не чужой, и не свой:
Звёзды горят по периметру МКАДа,
Но не горят над Москвой.

Всё маскируется, всех маскируют,
Моют фонарной водой.
На мостовую от света сырую
Голубь упал молодой.

Голубь, родившийся в маленьком сквере,
С роду выдавший одно:
Храм на Волхонке, как памятник вере,
Вере, почившей давно.

Высятя сталинки, сноят хрущёвки –
Их рассудил этот век.
«Думай о вечном и клювом не щёлкай», –
Русского учит узбек.

В памяти сыро, на улице сыро,
Сыро в районе твоём:
Долгие провода старого мира –
Лишние слёзы о нём.

В библиотеке попрыгали с полки
Новые «Дни Турбиных».
Только Алёши теперь и Николки
Стали Ордой для иных.

Век наш покажется нам чистоплюем,
Чёрным котом в темноте.
Мы, как Малевич, его намалюем,
Сидя на старой тахте.

До Рождества насчитаешь ли, сколько
Снега родится в году?
Пялится в небо Москвы новостройка
И замечает звезду

Играет парень о войне
В объятьях ламповых огней
В подземной клетке перехода,
Играет парень о войне
На трёх аккордах.

Сползают пальцы по струне –
За уходящую эпоху
Играет парень о войне.
Играет плохо.

Гитару дёргая свою,
Поёт неряшливо, нетрезво.
Не так, как теноры поют
Под гром оркестра.

Иначе скажут «без огня»,
Законы музыки нарушив.
Но отчего же так меня
У горла душит?

Конечно, кто-нибудь другой
И лучше спел бы, и умелей.
А так под Курскою дугой,
Наверно, пели.

Серёга, Ваня и Петро,
Которых время обезличит,
Шагают в марше этих строк
Не канонично:

Едва выдерживая строй,
Так непохожи на героев.
А завтра Ваню и Петро
Фугас накроет.

На их могиле без креста
Не отыскать имён и званий.
Две похоронки, два листа –
Петро и Ваня.

Не в масть войне красивой быть –
Она имеет привкус рвоты.
И, значит, должен говорить
Об этом кто-то.

Я не глотал свинец и мне
Не плюнут в прошлое потомки,
Что ни черта о той войне
Не знали толком.

Здесь не салют, не ордена.
Но в переходе, в частокоче
Огней пропетая она –
Правдивей, что ли.

До перехода сузив мир,
Я повторяю, память раня,
Что всей страной сегодня мы –
Петро и Вани.

Их кровь сегодня – кровь моя.
Я ленинградец, киевлянин,
Я белорус, я русский, я
Сегодня ранен.

И ощущаю всё верней,
Что паренёк, срывая горло,
Играет нынче обо мне
На трёх аккордах

Наш Ленинград

А смерти тут нет – об этом горит звезда
Над Ладогой и на каске убитого рядового.
Ещё пару дней – и ладожская вода
Большую дорогу до жизни починит снова.

Ещё потерпеть – уже заметался снег,
В свою белизну саксонского тыча зверя.
Тут все, как один, клянутся, что смерти нет,
И знают её, ни разу в неё не веря.

Уверен: об этом когда-то ровесник мой
И думал, и пел в сыром ледяном окопе.
А нынче уже потомок его седой
Твердит о несдавшейся, как бы, врагу Европе,

О том, что Иван Миколу давно не брат,
Что русский солдат завоевал кого-то.
Ровесник не слышит этого: Ленинград
Не должен быть взят. И это его работа.

Покуда в Берлине две фрау идут в кино
По улице, от веселья и пива липкой,
В окне на Фонтанке голодный скрипач
 больной,
Пытаясь согреться, в огонь опускает скрипку.

Покуда в Нью-Йорке неон
 горит Таймс-сквер
И всюду звучит бесконечное буги-вуги,
По Невскому тащит саночки офицер
С малюсеньким тельцем дочки своей
 подруги.

Об этом никто из бывших союзных стран
Не вспомнит, а мы, наследники этой боли,
Мечтаем забыть и спрятать её в карман –
Чего ей напрасно чужие глаза мозолить?

Мы – сытое время. И, кажется, век иной,
И, кажется, мы другие – от них всё дальше:
Солдат, офицеров, стоящих одной стеной
Из чести и правды, в которых ни тени
 фальши.

Видали они тот самый библейский ад,
Но смерти же нет – громите ворота ада.
А нам, как упрёк, впечаталось «Ленинград»,
Поскольку у нас сегодня своя блокада.

Покуда у нас героев чужих поют,
Своих выставляя прообразом серой пыли,
Блокада не снята – блокадники все мы тут.
А те, кто хитрее, в осаду нас заманили.

Смеются они над нами: мол, как легко
Праправнуков победителей одурачить,
Чтоб снова себя считали за дураков.
Прости, Ленинград, наш полк
по тебе не плачет.

Прости, Ленинград, мы – тени твоих солдат,
И снова живём в бессмертии Ленинграда.
Ты умер почти, но всё-таки не был взят,
А значит, и мы однажды прорвём блокаду

Время плюшевых

Время плюшевых, Родина,
вдруг подошло к концу,
Оказалось – не смерть, а ярость тебе к лицу.
И весна, о которой хочется петь навзрыд.
Твой простор, что дождями северными
изрыт,
Был надолго единым для пёстрых,
глазастых нас.
А когда за большой бедой полыхнул Кавказ,
Было страха, Родина, меньше ведь,
чем стыда,
И стыдом, а не страхом, полнились города.
Нас учили, что скоро все будут равны,
ан нет –
Не похожа Россия на старый и новый свет:
Не модна, не способна остаться одною из,
Потерявшая гордость, скулящая
«хэлп ми, плиз».
Ты себя раздавала, а нас прогоняла вон.

Идеальной улыбкой скалился Вашингтон,
Посадивши на гранты партийных твоих иуд,
Понимая, что эти – уж эти не предадут!
Ведь себя предавали, не чуя вины ничуть.
Ты сумела бы, Родина, лечь на мороз,
 уснуть,
Чтобы стало попроще, чтоб не было ничего,
Чтобы символом поколения моего
Стало слово «последний».
Последний поэт, солдат,
Чтобы это словечко лупило нас,
 как приклад.
Ты же встала с мороза
и вытерла милый грим –
Оказалось, красивее ты без него,
 чем с ним.
На тебя ещё скинут и бремя обид, и зло,
Но уже всё случилось –
и тройку-то понесло.
Это страшное время
и это жестокий пир,
Ветер новой гражданской,
но так и творится мир.

И, по-прежнему время записывая на айфон,
Идеальной улыбкой скалится Вашингтон.

Но не знает, не знает, что варвары
тут не мы,

Что закончено счастье от подлости и сумы.
А тебя-то мы, Родина, празднуем все теперь:
Ты для нас королева, для них же ты –
дикий зверь.

Наконец ты вернула свою вековую суть –
Быть назло всякой смерти.

И главное – не свернуть!

Эти трезвые годы – есть повод язык родной
Сделать нашей свободой, неподнятой целиной.
Наше сердце в Донбассе и бьётся оно сильнее,
Наша воля на воле, так будет же правда в ней.
Посевная в разгаре, мы сеем весну опять,
Чтобы мир и свободу по осени собирать

Его письмо доставят почтальоны:
Такой-то переулок, дом один,
Такой-то рядовой из батальона,
Вошедшего в рыдающий Берлин,

Представленный к медали «За отвагу»,
Не метивший в геройские чины.
Он был убит на лестнице Рейхстага,
Минуту не успев до тишины.

Почти уже закончена атака,
И стали пулемёты не слышны.
Дымятся умирающие танки
У полуразвалившейся стены.

Уже война отброшена местами
И плавят для медалей новых медь.
А он убит на лестнице Рейхстага,
Когда почти никто не верил в смерть.

Убит. И в том оглохнувшая проза,
Забывая восторгом в стороне.
Сержант Ильин и лейтенант
Морозов Везучие, а он, выходит, нет.

И тем оно нелепей, чем страшнее,
И будущий исход неоспорим:
Пройдут полки, победно выгнув шею,
А он лежит, как будто и не с ним

Случилось это всё. И вот в награду,
Разрушенную лестницу обняв,
Прошедший семь чистилищ Сталинграда,
Он станет частью вечного огня,

Отметкой в черновой графе «потери»,
Пыльцой на теле будущей листвы,
Крупницей бронзовеющих материй
На строгих обелисках-часовых.

А значит, никогда не будет втянут
В галдёж постперестроечный и спор:
За что ты воевал, скажи, батяня?
За Сталина, за партию? За пол-

Столетия страна простится с флагом,
Разворошит вождей иконостас.
А он убит на лестнице Рейхстага,
Как повод обсуждения для нас.

Мы делимся на правых и не правых,
Такое право вряд ли заслужив.
Где каждый человек – попытка сплава
Чего-нибудь стального и души,

Там нет святых, но время наше свято.
И всё-таки, как саженцы весны
Мы проросли из русского солдата,
Убитого за миг до тишины

Наше

Хохочут боги, а что в итоге?
В окне гирлянда, в кармане медь.
Хоть у победы и перемоги*
Так мало общего, но, заметь,

Что слово «наше» для всех едино
Звучит и пишется, братец мой.
В Святого Духа, Отца и Сына
Кого ты станешь крестить зимой?

Кнута не будет, а пряник водкой
Запьёшь под ёлкой своих обид.
Так с новым годом овцы и волка!
Авось, не будешь овцой побрит.

И волк не съест, и свинья не выдаст,
И Бог, наверное, устоит.
Твой жёлто-синий костюм на вырост
По моде крепкой не крепко шит.

* Перемога (укр.) – победа.

Да, с новым годом свободы голой!
Свободу горя прошли уже
С улыбкой лёгонькой и весёлой,
С блатными песнями в гараже.

И это тоже казалось нашим –
Большой fallout* большой страны,
Где от России осталась Russia
И made in China её штаны.

Пусть харьковчанин и белгородец –
С одной берёзки одна листва,
Но не народ мы, а так, народец,
Пока границы важней родства.

Хоть нам и прошлое задолжало,
И память дурью легко надуть –
От незалежной до залежалой
Совсем, дружище, недолгий путь.

* Fallout (англ.) – потрясение, а также название серии постапокалиптических компьютерных ролевых игр.

Так с новым годом, речей не надо,
Бери до лучшей поры билет.
Едва ль позор отличим от зрады*,
Которой стукнуло тридцать лет.

Народ наш бывший – не был, былина.
И, может, тем он ещё спасён,
Что слово «наше» для всех едино
Звучит и пишется, вот и всё

* Зрада (укр.) – измена.

Письмо из нового века

Пока метель, как дворник,
По улице метёт,
Включи тр-з сборник
За двадцать третий год:

Какие пели песни
У наших стариков
В тот год, где Лео Месси
Был крут без дураков.

Никто не знал в помине,
Что смерть побеждена.
Ползла по Украине
Гражданская война.

Но пели-то неплохо:
Как марту полынья,
Досталась им эпоха
Свержения вранья

В явлении момента,
В кружении седьмом,
Где образ диссидента
Впервые стал клеймом.

Где русские качели
В бессмертие неслись.
И бабки наши пели,
И прадеды дрались.

Несли качели в небо,
Но чудилось, что вниз.
И было больше не до
Смазливеньких актрис

Из ада Голливуда,
И рая пошлоты.
И снег сходил, как чудо
С мольберта на холсты.

Мы помним голоса их,
Но форточку открой –
И снегом забросает.
То век двадцать второй

Летит на гиперзвуке,
Да только нам слышней:
«Вы загадайте, внуки,
Свою страну, а в ней

Не только байки-бритвы
О Ване-дураке,
Но песни и молитвы
На русском языке».

Сошёлся в этом хоре
Неведомый народ.
Глотни из рюмки моря
За двадцать третий год.

И веруй, и надейся,
И помни песни, брат.
А завтра мы в Одессу,
В наш русский город-сад

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Библиотека солдата СВО

Антипов Александр Павлович

СТИХИ